

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

ОБРАЗ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Введение

Все мы с детского возраста участвуем в хозяйственной деятельности и постоянно думаем о ней – и непроизвольно, и обдумывая какую-то житейскую проблему или принимая решение. Хозяйство (экономика) – один из важнейших “срезов” нашей жизни и жизнеустройства всего народа. Нетрудно представить, что хозяйство “пропитывает” все формы нашей деятельности и почти все человеческие отношения. Даже новорождённый младенец кричит матери, чтобы она дала ему пищу. У него ещё работают инстинкты, но через какое-то время подключается культура, быстро расширяется система его потребностей, и он подаёт знаки близким людям.

Первые люди с зачатками языка и разума развивались очень быстро, и инстинкты влияли на социальную природу и общественный порядок человека. Так возникли первые институты (точнее, протоинституты) – нормы и запреты. Почти все они были связаны с хозяйственной деятельностью, отношениями и поведением людей в этой сфере. Позже разум и культура отослали инстинкты на дно сознания, хотя многие учёные считают, что из глубины инстинкты подают свой голос.

Нетрудно видеть, что в хозяйстве сочетаются все элементы культуры – представления о природе и человеке в ней, о собственности и богатстве, о справедливости распределения благ, об организации совместной трудовой деятельности, технологические знания и умения, красота и мерзость.

С развитием человечества и его хозяйства представления о хозяйственной деятельности, правилах и запретах, о добре и зле, о привычках и открытиях становились всё более изощрёнными и разнообразными. Они были важной частью политики и войны, философии и искусства, пронизывали духовную сферу человека. Этот срез человеческого бытия непрерывно действует и ведёт людей, воздействуя на разум, чувства и воображение. Это особая сторона мировоззрения и мироощущения.

И в то же время люди редко задумываются об этой сфере, а только реагируют на частные события, радостные или неприятные. Когда состояние хозяйства благополучное, то это воспринимают как хорошую погоду, когда неурядицы – как непогоду или бурю. Хотя, если задуматься, эти бури и кризисы возникают в обществе – своём или чужом. И главное, очень часто эти кризисы возникают из-за того, что слишком большая часть общества не думала о своём народном хозяйстве, не изучала его и не замечала, что оно заболело – по ошибке, по халатности общества.

Сейчас мы переживаем смутные времена, и многие наши люди задумались: как развивалось наше хозяйство, как оно было устроено и как к нему относилось общество, в чём мы ошиблись и чего мы не поняли, что происходит в хозяйстве, что нас ждёт впереди и в чём мы должны измениться или,

наоборот, укрепиться. Нам придётся учиться и думать. Видно, что будет трудно, — мы долго были беззаботны.

Начнём распутывать клубок с самых верхних ниток. Первая ниточка нас ведёт к факту, который многие учёные отрицают или стараются о нём не говорить. Этот факт состоит в том, что любое народное хозяйство — это одна из главных ипостасей *национальной культуры*. А национальные культуры *различны*, хотя все они непрерывно обмениваются людьми, идеями, вещами. Поэтому над каждым народом клубится покров из нитей связей хозяйства и людей.

В общинах нельзя и даже неприлично благодарить за пищу — этим ты как бы допускаешь саму возможность не поделиться куском, что нелепо и противно. Этнографы подчёркивают, что в общине право на пищу — это абсолютное (естественное) право. Поэтому голод в ней возможен лишь как следствие природной или политической катастрофы — засуха, война, “великие переломы”.

Шаманы, жрецы, прорицатели создавали мифы и предания, в разных формах представляли нормы и отношения их племени. Позже государство создаёт и контролирует институты и законы, учёные пишут трактаты и учебники, поэты — поэмы.

Вспомним итальянского купца Марко Поло, который почти всю жизнь путешествовал по созданной Чингисханом империи (в том числе и по Руси). Почитаем сегодня эти свидетельства середины XIII века: “Когда великий государь знает, что хлеба много и он дешёв, то приказывает закупить его многое множество и сыпать в большую житницу; чтобы хлеб не испортился года три-четыре, приказывает его хорошенько беречь. Собирает он всякий хлеб: и пшеницу, и ячмень, и просо, и рис, и чёрное просо, и всякий другой хлеб; всё это собирает во множестве. Случится недостача хлеба, и поднимется он в цене, тогда великий государь выпускает свой хлеб вот так: если мера пшеницы продаётся за бизант, за ту же цену он даёт четыре. Хлеба выпускает столько, что всем хватает, всякому он даётся, и у всякого его вдоволь. Так-то великий государь заботится, чтобы народ его дорого за хлеб не платил; и делается это всюду, где он царствует” [1. С. 115].

Таким образом, от племён до современных государств и наций хозяйственная деятельность в периоды стабильности направляется и контролируется властью и признанными населением институтами. До недавнего времени огромную роль в этом играла Церковь. Например, хотя Православие избегало явного изложения социальных доктрин, в духовно-религиозном плане частная собственность всегда трактовалась как не богоугодное устройство. Красноречивый пример — перевод архиепископом Василием (Кривошеиным) поучений преподобного Симеона Нового Богослова (949–1022). Вот что говорит пр. Симеон в Девятом “Огласительном слове”:

“Существующие в мире деньги и имущества являются общими для всех, как свет и этот воздух, которым мы дышим, как пастбища неразумных животных на полях, на горах и по всей земле. Таким же образом всё является общим для всех и предназначено только для пользования его плодами, но по господству никому не принадлежит. Однако страсть к стяжанию, проникшая в жизнь, как некий узурпатор, разделила различным образом между своими рабами и слугами то, что было дано Владыкою всем в общее пользование. Она окружила всё оградами и закрепила башнями, засовами и воротами, тем самым лишив всех остальных людей пользования благами Владыки. При этом эта бесстыдница утверждает, что она является владельницей всего этого, и спорит, что она не совершила несправедливости по отношению к кому бы то ни было”.

В другом месте Девятого “Слова” осуждение частной собственности носит ещё более резкий характер: “Дьявол внушает нам сделать частной собственностью и превратить в наше сбережение то, что было предназначено для общего пользования, чтобы посредством этой страсти к стяжанию навязать нам два преступления и сделать виновными вечного наказания и осуждения. Одно из этих преступлений — немилосердие, другое — надежда на отложенные деньги, а не на Бога. Ибо имеющий отложенные деньги... виновен в потере жизни тех, кто умирал за это время от голода и жажды. Ибо он был в состоянии их питать, но не напитал, а зарыл в землю то, что принадлежит бедным, оставив их умирать от голода и холода. На самом деле он убийца всех тех, кого он мог напитать”*.

* Впервые опубликован в 1961 году в “Вестнике Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата”, № 38-39.

А Реформация Церкви в Западной Европе переросла в революцию не только религиозную, но и культурную и социальную. Одним из её результатов была *политическая экономия* (обыденно – *политэкономия*). Это было учение, которое отодвинуло Церковь и задало новые рамки отношений между людьми и их ценностей. Название *политэкономия* очень понравилось, оно было свежим и необычным, от него веяло истиной, наукой и властью. Это учение снизило авторитет нового типа, многие это любят. В реальности, строго говоря, политэкономией была система, которую разрабатывали в Англии и – меньше – во Франции. Это при том, что в каждой стране существовал свод понятий и норм, которые объясняли явления и процессы в хозяйственной деятельности. Все эти своды и трактаты сложны и различны, но, тем не менее, некоторые из них тоже назвались политэкономией. Здесь нам не требуется изучать эти учения, нам нужны основы этих учений, которые освещают важные различия картин хозяйства и отношений между людьми в сфере экономики.

Например, Вебер указал на важный элемент кальвинизма: “Это учение в своей патетической бесчеловечности должно было иметь для поколений, покорившихся его грандиозной последовательности, прежде всего, один результат: ощущение неслыханного дотоле внутреннего *одиночества отдельного индивида*. В решающей для человека эпохи Реформации жизненной проблеме – вечном блаженстве – он был обречён одиноко брести своим путём навстречу от века предначертанной ему судьбе” [2].

А в томе “Россия” фундаментальной энциклопедии “Всемирная история” (она стоит на полках во всех западных школах) читаем: “В идеологии Восточной Церкви община верующих сыграла гораздо большую роль, чем роль индивидуума, ответственного только перед Богом, и с этой традицией связаны не только славянофилы XIX века, но также, косвенно, русские социалисты и марксисты, заявившие о важности коллективизма”.

В России это было так, а в Европе при зарождении капитализма стала быстро развиваться экономическая мысль. Там резко усложнились общества, культуры, в том числе и экономические системы. Возникли профессиональные учения и теории, которые использовали приёмы и подходы науки – математику и свой “закрытый” язык. Основная масса населения осваивает логику хозяйства своей страны, своего слоя или сектора, опираясь на здравый смысл, житейский опыт и метод проб и ошибок.

Здесь стоит сказать, что название политэкономии – условный ярлык. Политическая основа той картины, которую рисует политэкономия, нагружена идеологией и интересами господ. Именно они определяют, какие трактаты, рассуждения и законы соединяются в систему, которая считается *правильной политэкономией*. Еретики, недовольные, бедные вырабатывают свои “катакомбные” политэкономии. Когда они набирают силу, начинается борьба разных систем, иногда – посредством гражданской войны, но чаще элита идёт на небольшие уступки, политэкономия немного подправляется. Эту сторону нашей темы надо учитывать.

Возникновение и развитие капитализма произвели тектонические изменения в народном хозяйстве в Западной Европе, а затем в колониях и во всех странах, которые стали придатками Запада. Эти страны были вынуждены изучать западные институты и учреждения на своей культурной почве. Государствам, купцам и образованным сословиям надо было иметь представления о хозяйстве стран, с которыми у них были отношения. Во время потрясений и сдвигов в нарождающемся капитализме соседям было необходимо понимать новые механизмы торговли и передвижений товаров и денег. Эти процессы надо было “видеть и чувствовать”, изучать признаки и следы этих процессов, цели и последствия их действий.

В истории был драматический период: Испания, не включённая в интенсивный процесс *монетаризма*, но “открытая” европейскому рынку, ввозила из Америки огромную массу золота и серебра и непрерывно беднела, ибо это золото и серебро уплывало в Англию, созревшую для монетаризма и имеющую политэкономия, которую в других странах не понимали.

В общем, чтобы овладеть смыслами процессов хозяйственной деятельности, государство и общество любой страны должны были иметь “образы” собственного народного хозяйства и экономики тех стран, с которыми ведутся коммерческие отношения или от которых исходят угрозы. Для этого надо

сделать эти образы *видимыми* (в форме текстов и документов, расчётов и схем, карт и таблиц). Эта операция называется *визуализация*. В принципе, эти операции выполняются непрерывно в самых разных формах, большинство об этом и не думает.

Сейчас мы научились из всей нашей среды, даже Вселенной, выделять какую-то вещь или явление, называть их именем и охватывать их мышлением как отдельные целостности. Чтобы их мысленно рассмотреть и проникнуть в их сущность, мы на время отодвигаем в сознании другие вещи и явления, концентрируем разум на данном объекте. Но в общественных процессах надо увидеть одновременно большую систему с множеством элементов и связей, и очень подвижную.

Почти всегда мы думаем о частичке *хозяйства* – она влияет, в малой или большой мере, на нашу личную жизнь и часто на жизнь народа. Но иногда необходимо задуматься не о частичке, а обо всём калейдоскопе, мозаике этих частичек. Например, в тот момент, когда наше народное хозяйство как целостность расчленяется и переделывается, а то и уничтожается. Представить себе образ такого хозяйства трудно, но всё-таки каждый человек имеет некий его образ.

Была такая притча. Шестеро слепых изучали слона. Один потрогал ногу и сказал: “Слон – это колонна”. Второй схватил за хвост: “Слон – это веревка”. Третий потрогал хобот: “Да нет же! Это толстый сук дерева”. Так все они и спорили между собой. Шёл мимо мудрец и сказал: “Вы трогали разные части слона, а слон – это всё то, о чём вы говорите”.

Но всё же лучше создавать этот образ, используя инструменты и методы, которые уже были изобретены и опробованы, – они экономят время и усилия, а главное, с ними легче обсуждать проблемы с друзьями и скептиками. Например, можно представить “портрет” народного хозяйства в виде сети или ткани множества *институтов*, которыми покрыта хозяйственная деятельность, включая распределение и потребление. Атомов хозяйства слишком много, и их движение трудно рассмотреть невооружённым глазом, а институты изучают большие сообщества учёных.

Древние люди (и наши дети) представляли мир как упорядоченное целое, все частицы которого связаны невидимыми нитями, струнами. Это Космос. И добавляли: с ним воюет Хаос (боги помогают превратить хаос в порядок и вернуть его в Космос). Человек, проникнутый космическим чувством, ощущает единство Бытия, а себя считает обитателем огромного и прекрасного дома. Научная революция представила мир как машину. Создание механистической картины мира разрешило задачи восходящего буржуазного общества. Из этой картины идеологи английской революции непосредственно выводили естественность конституционной монархии как наилучшей из форм политического порядка и “невидимую руку рынка”. Разрушались традиции, религии, скрепляющие людей солидарностью. Возникло гражданское общество, основанное на индивидуализме людей-“атомов”. Человек же традиционного общества видит мироздание как *Космос* – упорядоченное целое, с каждой частичкой которого человек связан мириадами невидимых нитей, струн.

Космос был дегуманизирован механистической картиной мира, но его смысл в одних культурах ужился с механицизмом, в других статус Космоса был восстановлен на новом уровне. Незападные культуры, освоив метод европейской науки, космическое чувство сохранили. Нам надо освоить навык “видеть” такие большие сущности, которые покрывают наше жизнеустройство, как политэкономия. О чувстве целостности можно сказать стихами Н. Заболоцкого (1936):

*И нестерпимая тоска разъединенья
Пронзила сердце мне, и в этот миг
Всё, всё услышал я — и трав вечерних пеньё,
И речь воды, и камня мёртвый крик.*

*И все существованья, все народы
Нетленное хранили бытие,
И сам я был не детище природы,
Но мысль её! Но зыбкий ум её!*

Сейчас наблюдения из космоса движения стихий, техники, энергии и людей дают нам серию частичных “портретов” человечества или народа, страны. Рассмотреть и обдумать эти “портреты” — это уже важный шаг к тому, чтобы представить себе хозяйство как целостность. Нам доступны карты ночной освещённости Земли и стран, интенсивности хозяйства в форме международной торговли и движения товаров, лесных пожаров и т. д.

Интегральной карты ещё нет. Но можно в воображении представить, что откуда-то из Космоса мы смотрим на Землю в потоке особого света и видим человечество в поле хозяйства. Человечество — не пыль, оно организовано в племена и народы, нации и цивилизации. Людей связывает их земля и культура, память и будущее. Вариантов комбинаций всех форм деятельности и связей элементов систем хозяйства — большое множество, поэтому хозяйство каждой общности обладает неповторимым своеобразием. С момента появления человека его этнос — творец своей самобытной системы хозяйства. А в свою очередь, хозяйство — творец своего этноса. Хозяйство, воплощая в себе все стороны культуры, становится важной частью той матрицы, на которой этнос собирается и воспроизводится.

Можно представить, что, глядя сверху на страну, можно увидеть сеть или ткань институтов, которые регулируют народное хозяйство, а каждый человек связан с этой тканью множеством невидимых нитей. Сверху видна эта ткань, каждая со своими особенностями, она соединяет и защищает народ и его хозяйство. Её ткали и ткут, штопают и обновляют все сородичи и земляки, потом соотечественники и граждане, шаманы и священники, власти и учёные. Образ такой ткани или плёнки — это и аллегория, и модель.

Далее рассмотрим подробнее.

Хозяйство и этнос (народ)

Исторически складываются разные типы хозяйства. Их изучением занимаются экономисты, а особенности и различия хозяйства народов — предмет изучения этнографов. Сложилась и особая научная область — *этноэкономика*. Исторический материализм исключал из рассмотрения национальную специфику хозяйственных укладов, он оперировал небольшим числом “чистых” моделей. Что касается незападных стран, то эти модели Запада были настолько далеки от реальности, что Маркс даже сделал попытку выделить особую формацию, которую назвал “азиатским способом производства”. Эта попытка оказалась малопродуктивной и была предана забвению. Здесь же нас интересуют не абстрактные “общечеловеческие” экономические формации, а именно специфическое для нашего народа взаимодействие хозяйства с культурой.

Когда человек ведёт хозяйственную деятельность, на него воздействуют практически все *силы созидания народа* — от языка и религии до системы мер и весов. О. Шпенглер утверждал даже: “Всякая экономическая жизнь есть выражение душевной жизни”. Но в душевной жизни и коренятся особенности разных народов, а материальный мир (“вещи”) есть лишь воплощение этих культурных особенностей.

Поэтому хозяйство, в котором преломляются эти силы, само является мощным механизмом выработки национального самосознания и укрепления людей этими связями. Даже волны экономической глобализации — и колониальной экспансии Запада, и стандартизирующего наступления капиталистического производства и рынка, и нынешних информационных технологий — не могут преодолеть взаимовлияния хозяйства и национальной культуры.

Например, все незападные страны, начиная с XVIII века, испытывают процесс *модернизации* — освоения созданных на Западе технологий и хозяйственных институтов. Внешне иногда кажется даже, что при этом возникает западный тип хозяйства, в котором не воспроизводятся национальные черты — они как будто вытесняются в сферу внешних “этнографических проявлений”. Но это ошибочное впечатление. Суть многих сторон хозяйства возникает как синтез, как продукт национального творчества. В книге “Капитализм и конфуцианство” (1987), посвящённой преобразованию западных экономических институтов в соответствии с культурными основаниями Японии, показано, что в японском хозяйстве “капиталистический рынок труда — лишь современная форма выражения “рынка верности”.

Большое многообразие этнических особенностей обнаруживается в хозяйственном применении огня, в обработке земли и скотоводстве, в способе перемещения тяжестей и грузов, в изготовлении оружия. Изобретение молотка сыграло огромную роль в развитии человечества, но некоторые даже современные народы не применяли молотка, предпочитая обработку материала нажимом. Совокупность технических приёмов и материальных средств представляет собой систему, часть культуры этнической группы (племени, народа и даже нации). История показывает, насколько разные образы и теории создаются в разных культурах.

Английский либеральный философ Дж. Грей напомнил общепризнанный факт: “Рыночные институты, не отражающие национальной культуры или не соответствующие ей, не могут быть ни легитимными, ни стабильными: они либо видоизменяются, либо будут отвергнуты теми народами, которым они навязаны” [3].

Сравним особенности классической политэкономии Англии раннего капитализма и традиционных принципов незападных культур. В западной цивилизации, как пишут, кровожадность “естественного” человека была усмирена правом – “война всех против всех” приняла форму конкуренции. Так, движущей силой, соединяющей людей в общество, являлся страх. Родоначальник теории гражданского общества Гоббс вводит такой постулат: “Следует признать, что происхождение многочисленных и продолжительных человеческих сообществ связано... с их взаимным страхом”. То есть под той мотивацией, какой считали поиск выгоды на рынке, лежал страх быть побеждённым в конкуренции. При этом страх должен быть всеобщим. Кроме того, должно существовать равенство в страхе. Гоббс пишет: “Когда же частные граждане, <о> е<сть> подданные, требуют свободы, они подразумевают под этим именем не свободу, а господство”. Он ещё добавляет: “Хотя блага этой жизни могут быть увеличены благодаря взаимной помощи, они достигаются гораздо успешнее, подавляя других, чем объединяясь с ними” [4]. Этот порядок на несколько веков придал Западу большую силу.

А вот востоковед А. Н. Ланьков пишет о Корее: “Конфуцианство воспринимало государство как одну большую семью. Вмешательство государства в самые разные стороны жизни общества считается в Корее благом, хотя образованные корейцы прекрасно знакомы с европейскими воззрениями на государство и гражданское общество. В докладе о южнокорейской экономике, подготовленном по заказу Всемирного банка, говорится: “Озадачивающим парадоксом является то, что корейская экономика в очень большой степени зависит от многочисленных предприятий, формально частных, но работающих под прямым и высокоцентрализованным правительственным руководством”. Другой американский экономист пишет: “Корея представляет собой командную экономику, в которой многие из действий отдельного бизнесмена предпринимаются под влиянием государства, если не по его прямому указанию” [5].

Люди с высоким уровнем “индивидуализма” стягивались в нации раньше мощным страхом – по законам отправляли бедняков в работные дома, благотворительность запрещалась. А сейчас соединяют посредством организации социальной помощи и благотворительности – из расчёта и по праву. А в старой России “Домострой” учил: “И нищих, и малоимущих, и бедных, и страдающих приглашай в дом свой и как можешь накорми, напои, согрей, милостыню дай”. Модернизация лишь придала этому порядку слабый европейский оттенок: Александр I в указе 1809 года повелел бродяг отправлять к месту жительства “безо всякого стеснения и огорчения”. В северных деревнях дома даже имели специальные приспособления в виде жёлоба. Нищий стучал клюкой в стену, подставлял мешок, и по жёлобу ему сбрасывали еду. Устройство находилось на тыльной стороне дома, вдали от окон, “чтобы бедный не стыдился, а богатый не гордился”.

Эту целостную внутреннюю среду, соединяющую материальный и духовный миры, этническая группа оберегает, отказываясь даже от выгод “эффективности”. Традиции ведения хозяйства очень устойчивы почти у всех народов, их стремятся сохранить даже ценой больших дополнительных затрат. Устойчивость традиций и пережитков таит в себе важное противоречие. Сохранение пережитков необходимо потому, что каждая вещь и каждая хозяйственная операция имеют не только функциональный, но и символический смысл.

Это наглядно выражается в изготовлении оружия. Национальные представления о красоте воплощаются и в изделиях, достигших максимума функциональной эффективности (или имеющих примерно одинаковый её уровень с иностранными изделиями). Антрополог Леруа-Гуран писал: “Поразительно видеть, до какой степени американские и русские ракеты и спутники, несмотря на очень узкие функциональные требования, носят на себе отпечаток создавших их культур”.

Говоря об устойчивости хозяйственных норм, институтов и традиций, необходимых для сохранения народа, не будем, конечно, упускать из виду и изменчивость укладов и в ходе их творческого развития, и при изменении внешних условий. Хозяйство как “сила созидания” народа особенно важно на стадии формирования национальной общности. Потом части общности освоят разные новые типы хозяйства, но в каждой части принадлежность к одному хозяйственно-культурному типу будет скреплять её.

Поэтому оценивать эффективность того или иного способа хозяйствования по какому-то одному, произвольно заданному критерию (например, производительности труда или ВВП на душу населения) можно лишь в каких-то узких аналитических либо идеологических целях. В таких сравнениях эффективности разных национальных типов хозяйства обычно господствует подход “рыночной экономики”, сложившийся в Западной Европе.

Антрополог К. Леви-Стросс писал о неправомерности таких оценок: “Два-три века тому назад западная цивилизация посвятила себя тому, чтобы снабдить человека всё более мощными механическими орудиями. Если принять это за критерий, то индикатором уровня развития человеческого общества станут затраты энергии на душу населения. Западная цивилизация в её американском воплощении будет во главе...”

Если за критерий взять способность преодолеть экстремальные географические условия, то, без сомнения, пальму первенства получают эскимосы и бедуины. Лучше любой другой цивилизации Индия сумела разработать философско-религиозную систему, а Китай – стиль жизни, способные компенсировать психологические последствия демографического стресса. Уже три столетия назад ислам сформулировал теорию солидарности для всех форм человеческой жизни – технической, экономической, социальной и духовной, – какой Запад не мог найти до недавнего времени и элементы которой появились лишь в некоторых аспектах марксистской мысли и в современной этнологии.

Запад, хозяин машин, обнаруживает очень элементарные познания об использовании и возможностях той высшей машины, которой является человеческое тело. Напротив, в этой области и связанной с ней области отношений между телесным и моральным, Восток и Дальний Восток обогнали Запад на несколько тысячелетий – там созданы такие обширные теоретические и практические системы, как йога Индии, китайские методы дыхания или гимнастика внутренних органов у древних маори...

Что касается организации семьи и гармонизации взаимоотношений семьи и социальной группы, то австралийцы, отставшие в экономическом плане, настолько обогнали остальное человечество, что для понимания сознательно и продуманно выработанной ими системы правил приходится прибегать к методам современной математики” [6].

Но для нас здесь важнее отметить, что становление современного капитализма сыграло исключительно важную роль в развитии народов Западной Европы – оно дало толчок и развитию своего специфического уклада, и формированию современных наций. А эти нации в новое и новейшее время являлись и являются для русских “значимыми иными”. Но в данный период реформаторы навязывают нам образ хозяйства этих значимых иных словом и делом. При этом они замалчивают и другой важный факт: архаизацию многих национальных экономик под воздействием западного капитализма.

Специфика того капитализма, который сложился в англосаксонской культуре, признаётся и сегодня. Английский историк и социолог З. Бауман пишет: “Новый индустриальный порядок так же, как и концептуальные построения, предпологавшие возможность возникновения в будущем индустриального общества, были рождены в Англии; именно Англия, в отличие от своих европейских соседей, разоряла своё крестьянство, а вместе с ним разрушала и “естественную” связь между землёй, человеческими усилиями

и богатством. Людей, обрабатывающих землю, сначала необходимо упразднить, чтобы затем их можно было рассматривать как носителей готовой к использованию “рабочей силы”, а саму эту силу по праву считать потенциальным источником богатства” [7].

Когда эти культурные предпосылки соединились с протестантской Реформацией, капитализм стал быстро спланировать “буржуазные нации” Запада. Внешне чисто экономическая мотивация (страсть к наживе) превратилась в обязательную *приоритетную ценность*, порой их хозяйство рушится именно вследствие внедрения “духа наживы”.

Работы экономических антропологов показали, что своеобразие присуще всем национальным хозяйствам, даже у тех народов, которые освоили многие принципы рыночной экономики. Придание страсти к наживе внеационального, универсального характера есть чисто идеологический приём.

Для нас в России сегодня особенно актуально разобраться в том, как действует на всю систему связей в нашем народе массированное внедрение в наше хозяйство институтов и обычаев западной рыночной экономики. В долгосрочном плане это воздействие гораздо важнее, нежели его прямой эффект на собственно хозяйственные результаты (ВВП, национальное богатство, распределение доходов и пр.). Макс Вебер пишет: “Чем больше космос современного капиталистического хозяйства следовал своим имманентным закономерностям, тем невозможнее оказывалась какая бы то ни было мыслимая связь с этикой религиозного братства. И она становилась всё более невозможной, чем рациональнее и, тем самым, безличнее становился мир капиталистического хозяйства” [2. С. 315].

Это означало кардинальную пересборку общностей – народы, соединённые “этикой религиозного братства” и взаимными обязательствами, демонтировались, а из свободных индивидов (граждан) собирались нации. В этом превращении элементарной частицы этноса (из человека общинного в свободного индивида) и состоит сущность *либерализма*.

К. Поланьи, описывая процесс становления капитализма в Западной Европе, отмечал, что речь шла о “всемирной стройке”, что главные идеи нового порядка были приняты *народом*. Он писал: “Слепая вера в стихийный процесс овладела сознанием масс, а самые “просвещённые” с фанатизмом религиозных сектантов занялись неограниченным и нерегулируемым реформированием общества. Влияние этих процессов на жизнь народов было столь ужасным, что не поддаётся никакому описанию. В сущности, человеческое общество могло погибнуть, если бы предупредительные контрмеры не ослабили действия этого саморазрушающегося механизма” (цит. по [8]).

Эти предупредительные контрмеры предприняли и государство, и гражданское общество, и экономическая наука. Слепая вера в стихийный процесс была преобразована в принятые институты, легитимированные авторитетными учениями и теориями.

Система хозяйственных связей, соединяющих в этнос людей, проникнутых “духом капитализма”, настолько отличается от систем других народов, что на обыденном уровне западный “экономический человек” бывает уверен, что вне капитализма вообще хозяйства нет. Для такого человека вне западных ареалов есть какая-то странная суэта, но хозяйством её назвать никак нельзя. Это можно было слышать сегодня и в отношении нынешней РФ.

Политэкономию марксизма, которая сложилась в середине XIX века, развивая политэкономию Адама Смита и Рикардо, была создана на материале специфического национального хозяйства Англии, даже не на материале более широкой системы рыночной экономики Запада. В отношении капиталистической Германии модель Маркса годилась с большими натяжками, а в отношении советской России её описание и предсказания были совершенно ошибочными.

О. Шпенглер писал: “Вся английская машинная промышленность была создана в интересах торговли. Она явилась средством поставлять дешёвый товар... Вся борьба в английской промышленности между предпринимателями и рабочими в 1850 году происходила из-за товара, называемого трудом, который одни хотели дешево приобрести, а другие – дорого продать. Всё то, о чём с гневным изумлением говорит как о продуктах “капиталистического общества” Маркс, на деле относится лишь к английскому, а не к общечеловеческому хозяйственному инстинкту...”

Он <Маркс> знал сущность труда только в английском понимании – как средство стать богатым, как средство, лишённое нравственной глубины, ибо только успех, только деньги, только ставшая видимой милость Бога приобретала нравственное значение... Такая этика владеет экономическими представлениями Маркса. Его мышление совершенно манчестерское... *Труд для него – товар*, а не “обязанность” – таково ядро его политической экономии... Марксизм – это капитализм рабочего класса. Вспомним Дарвина, который духовно так же близок Марксу, как Мальтус и Кобден. Торговля постоянно мыслилась как борьба за существование. В промышленности предприниматель торгует товаром “деньги”, рабочий физического труда – товаром “труд” [9].

Маркс показал в “Капитале”, что происходит при вторжении рыночной экономики в *натуральное* хозяйство. Так это происходило во Франции: “Ужасная нищета французских крестьян при Людовике XIV была вызвана не только высотой налогов, но и превращением их из натуральных в денежные налоги”. Вот слова видных деятелей Франции того времени: “Деньги сделались всеобщим палачом”; “деньги объявляют войну всему роду человеческому”; финансы – это “перегонный куб, в котором превращают в пар чудовищное количество благ и средств существования, чтобы добыть этот роковой осадок”, и т. п. [10]. Многие страны спаслись только тем, что смогли защититься от монетаризма с помощью государства, сохранив натуральные налоги и взаимозачёты.

Казалось бы, опыт четырёх веков западного капитализма показал, что никакая культура не может трансплантировать политэкономия хозяйства иной нации и цивилизации. Такая попытка погружает своё национальное хозяйство в глубокий кризис или лишает страну экономической, а потом и политической независимости. И бесполезно выбирать чужие модели политэкономии из разных благоприятных исторических моментов. Изучение чужих учений обязательно для получения опыта и технологий, а главное – для изучения чужих ошибок и кризисов. К несчастью, были учёные и политики, которые надеялись на *прививки* чужой политэкономии к стволу национального хозяйства.

Заключение

Мы тоже были очень самонадеянны. Надо честно признать, что “мы не знали общества, в котором жили”. Но это значит, что мы не знали и экономики нашего общества. Более того, когда в 1980-х годах наши экономисты закончили труд по созданию доктрины реформирования народного хозяйства СССР и начали внедрять в практику свои идеи, советская экономика рухнула.

Победа небольшой группы окол властных экономистов, которая на короткое время убедила меньшинство интеллигенции, была возможна только при отсутствии знаний о народном хозяйстве в главных, фундаментальных его принципах. Но провал в этом знании не закрыт, а вероятно, углубляется. Это общая беда, даже тех, кто воспользовался нашим невежеством. Но сейчас необходимо представить целостный образ хозяйства России в его главных системах и их связях, хотя бы грубо. Без этого наши общности не смогут договориться о направлении движения.

Важный факт: и на Западе произошла глубокая деградация и экономической науки, и уровня понимания населением процессов в системе современного капитализма. Как будто крах СССР освободил Запад от строгости разработки решений. Жак Аттали писал о кризисе 2008 года: “Протестантская Америка, которая делала первые шаги вместе с кальвинизмом, ставя во главу угла бережливость и труд, теперь культивирует мысль о том, что Бог её выбрал и гарантирует победу именно ей... Сейчас мы имеем дело со сложной системой, своего рода “големом”, не имеющим цели и способным одновременно служить человечеству и всё разрушать на своём пути. Ибо ему неведомы этические нормы и чувства” [11].

Погружение населения промышленных стран в невежество относительно целостности хозяйства – угроза уже всему человечеству. Россия, застрявшая “в переходном периоде”, особенно уязвима.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марко Поло. Путешествие. Ленинград: Художественная литература. 1940. С. 115.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс. 1990. С. 142.
3. Грей Дж. Поминки по Просвещению, М.: Праксис, 2003. С. 114.
4. Гоббс Т. Избранные соч. М.: 1964. Т. 1.
5. Ланьков А. Н. Конфуцианские традиции и ментальность современного южнокорейского горожанина // Восток, 1996, № 1.
6. Levi-Strauss C. Antropologia estructural: Mito, sociedad, humanidades. Mexico: Siglo XXI Eds. 1990. P. 321-322.
7. Бауман З. Возвышение и упадок труда // СОЦИС. 2004, № 5.
8. Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. XIX–XX вв. СПб: Наука. 1998. С. 314.
9. Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М.: Праксис. 2002. С. 78, 118–120.
10. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23. С. 152.
11. Аттали Ж. Мировой экономический кризис. Что дальше? М.: Питер. 2009.